

- [Гилберт Кийт Честертон](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кийт Честертон

АЛИБИ АКТРИСЫ

Мистер Мэксдон Мандевиль, хозяин труппы, быстро шел по коридору за сценой или, вернее, под сценой. Он был элегантен, быть может, даже слишком элегантен: элегантна была бутоньерка в петлице его пиджака, элегантно сверкала его обувь, но наружность у него была совсем не элегантная.

Был он крупным мужчиной с бычьей шеей и густыми бровями, насупленными сегодня еще сильнее, чем обычно. Правда, человека в его положении ежедневно осаждают сотни мелких и крупных, старых и новых забот. Ему было неприятно проходить по коридору, где свалили декорации старых пантомим — с этих популярных пьес он начал здесь свою карьеру, но потом ему пришлось перейти на более серьезный классический репертуар, который съел немалую часть его состояния. Поэтому «Сапфировые ворота дворца Синей Бороды» и куски «Зачарованного, или Золотого грота», покрытые паутиной или изгрызенные мышами, не вызывали в нем того сладостного чувства возвращения к простоте, которое мы испытываем, когда нам дадут заглянуть в сказочный мир детства. У него даже не было времени уронить слезу над своим уроном или помечтать о детском рае: он спешил уладить весьма прозаический конфликт, какие иногда случаются в странном закулисном мире. На сей раз скандал был достаточно велик, чтобы отнестись к нему серьезно.

Мисс Марони, талантливая молодая итальянка, игравшая одну из главных ролей в пьесе, которую должны были репетировать в то утро (вечером была премьера), внезапно наотрез отказалась играть. Мистер Мандевиль еще не видел сегодня капризной дамы; и так как она заперлась в своей уборной и скандалила за дверью, трудно было надеяться, что он увидится с ней. Мистер Мандевиль был настоящий англичанин и поэтому проворчал, что все иностранцы сумасшедшие. Но мысль о выпавшем на его долю исключительном счастье — обитать в единственной нормальной стране — утешала его не больше, чем «Золотой грот». Все это было и в достаточной степени неприятно; и все же внимательный наблюдатель заметил бы, что у мистера Мандевиля есть и более серьезные заботы.

Каково бы ни было тайное горе, мучившее его, оно, по-видимому, гнездилось в самом конце длинного темного коридора — там, где

помещался его небольшой кабинет: проходя по коридору, он то и дело нервно оглядывался.

Но дело есть дело, и мистер Мандевиль решительно направился в противоположный конец коридора, где зеленая дверь уборной мисс Марони бросала вызов всему свету.

Кучка актеров и прочих заинтересованных лиц толпилась у этой двери: можно было подумать, что они обсуждают, не пустить ли в дело таран. Один из них был известен широкой публике, фотографии его красовались на многих каминах, а автографы — во многих альбомах. Правда, Норман Найт служил в немного отсталом и провинциальном театре, где его амплуа еще называлось героем-любовником, но путь его лежал к более славным триумфам. Он был красив; сильный раздвоенный подбородок и светлая челка придавали ему некоторое сходство с Нероном и не совсем вязались с его резкими, порывистыми движениями. Подле него стоял Ральф Рандол, пожилой характерный актер с насмешливым, острым лицом, синим от частого бритья и бесцветным от частого грима. Тут же был и второй любовник труппы, игравший чаще всего еще не совсем исчезнувшие роли «наперсника героя», — смуглый кудрявый юноша по имени Обри Верной.

Была тут и горничная, или костюмерша, жены Мандевиля — весьма грозная особа с прилизанными рыжими волосами и твердым деревянным лицом. Была тут, между прочим, и сама жена Мандевиля, державшаяся на заднем плане, — тихая женщина с терпеливым лицом, классическим, строгим, удивительно бледным из-за светлых глаз и почти бесцветных волос, расчесанных на прямой пробор, как у очень древней мадонны. Мало кто знал, что некогда она была серьезной актрисой на роли интеллектуальных ибсеновских героинь. Но ее супруг был невысокого мнения о пьесах «с проблемами»; сейчас, во всяком случае, его больше интересовала другая проблема — как извлечь упрямую итальянку из ее уборной.

— Она еще не вышла? — спросил он, обращаясь не столько к жене, сколько к ее деловитой костюмерше.

— Нет, сэр, — мрачно ответила миссис Сэндс (так ее звали).

— Черт! — сказал Мандевиль со свойственной ему простотой. — Реклама — хорошая вещь, но такого рода реклама нам не нужна. Есть у нее друзья? Неужели она никого не слушается?

— Джервис говорит, с ней может справиться только ее священник, — сказал Рандол. — Если она там вешается на крючке для шляп, ему бы и в самом деле лучше прийти. В общем, Джервис за ним пошел. Да вот и он сам.

Еще двое появились в конце коридора, проходящего под сценой. Один из них был Эштон Джервис, добрый человек, обычно игравший злодеев, но на сей раз передавший эту высокую честь курчавому, носатому Вернону. Другой, низенький и круглый, одетый во все черное, был отец Браун — священник из церкви, расположенной за углом.

— Я думаю, у нее были какие-нибудь основания так разобидеться, — сказал он. — Никто не знает, что случилось?

— Кажется, она недовольна своей ролью, — ответил старый актер.

— Это с ними всегда бывает! — пробурчал мистер Мандевиль. — А я думал, что моя жена все правильно распределила.

— Я отдала ей лучшую роль, — устало промолвила миссис Мандевиль. — Ведь все ушибленные театром девицы мечтают сыграть молодую красавицу героиню и выйти за молодого красавца героя под гром аплодисментов с галерки.

Актриса моего возраста, конечно, должна отступить на задний план и играть почтенных матрон. Так я и сделала.

Отец Браун пробрался вперед и прислушивался, стоя у запертой двери.

— Ничего не слышно? — боязливо спросил Мандевиль и добавил тихо: — Как вы думаете, она ничего не натворила?

— Кое-что слышно, — спокойно ответил священник. — Судя по звуку, она разбивает окно или зеркало, по всей вероятности ногами. С собой она не покончит, в этом я уверен. Перед самоубийством не бьют зеркала ногами. Если бы она была немкой и заперлась, чтобы поразмыслить на метафизические темы, я непременно предложил бы взломать дверь. Но итальянцы умирают не так-то просто; они не способны покончить с собой в припадке ярости. Вот кого-нибудь убить... да, это они могут... Так что будьте поосторожней, если она выскочит.

— Стало быть, вы не советуете взламывать дверь? — спросил Мандевиль.

— Нет, если вы хотите, чтобы она играла, — ответил отец Браун. — Если вы взломаете дверь, она поднимет содом и уйдет из театра. Если вы оставите ее в покое, она, вероятнее всего, выйдет — просто из любопытства. Я бы, на вашем месте, оставил кого-нибудь сторожить дверь, а сам запасся терпением часа на два.

— В таком случае, — сказал Мандевиль, — давайте репетировать те сцены, в которых она не занята. Моя жена позаботится о реквизите. В конце концов самый важный акт — четвертый. Начнем?

— Что вы репетируете? — спросил священник.

— «Школу злословия», — сказал Мандевиль. — Может, это и хорошая

литература, но мне нужны пьесы. А жене нравятся эти классические комедии. По-моему, в них больше классики, чем смеха.

В эту минуту к ним подошел, ковыляя, старик привратник, которого все звали просто Сэмом, — единственный обитатель театра в те часы, когда нет ни репетиций, ни спектаклей. Он дал хозяину визитную карточку и сообщил, что его хочет видеть леди Мириам Мардек. Мистер Мандевиль ушел, а отец Браун еще несколько секунд смотрел на его жену и увидел, что по ее увядшему лицу блуждает слабая, невеселая улыбка.

Потом он тоже вышел в фойе вместе с актером, который его привел, — своим близким другом и единоверцем, что не так уж редко в театральной среде. Уходя, он слышал, как миссис Мандевиль все тем же ровным тоном приказывала миссис Сэндс занять пост часового у запертой двери.

— Миссис Мандевиль, как видно, умная женщина, — сказал священник, — хотя и держится все время в тени.

— Когда-то она была очень интеллигентной, — грустно сказал Джервис. — Она отцвела и опустилась, выйдя замуж за такое ничтожество, как Мандевиль. У нее самые высокие театральные идеалы. Но, разумеется, ей не часто удается привить их своему супругу и повелителю. Вы представляете, он хотел, чтобы такая женщина, как она, играла мальчишек в балаганных пантомимах! Он признавал, что она хорошая актриса, но говорил, что пантомимы выгодней. Из этого вы можете заключить, как чутко и внимательно он относится к людям. Но она никогда не жаловалась. Как-то она мне сказала: «Жалобы всегда возвращаются к нам, как эхо с другого конца света; а молчание укрепляет нашу душу».

И он указал на широкую черную спину Мандевиля, беседовавшего с двумя дамами, которые вызвали его в фойе.

Леди Мириам была высокой, томной и элегантною дамой, красивой той современной красотой, которая взяла за образец египетскую мумию. Ее черные прямые стриженные волосы казались шлемом, а сильно накрашенные губы оттопыривались, что придавало лицу презрительное выражение. Ее спутница была очень живая дама с некрасивым, но привлекательным лицом и волосами, как бы посыпанными серебряной пудрой. Звали ее мисс Тереза Тальбот. Говорила главным образом она, леди Мириам казалась слишком усталой, чтобы говорить. Только когда Браун и Джервис проходили мимо, она нашла в себе силы сказать:

— Театр, вообще говоря, — скука. Но я никогда не видела репетиции в обыкновенных костюмах. Может быть, это забавно... В наши дни так трудно найти что-нибудь новое...

— Конечно, я могу дать вам ложу, — поспешно ответил Мандевиль. —

Будьте добры, пройдите сюда. — И он повел их в другой коридор.

— Интересно, — задумчиво промолвил Джервис, — этот ли сорт женщин предпочитает Мандевиль?

— А какие у вас причины думать, — спросил священник, — что он вообще предпочитает кого-нибудь собственной жене?

Прежде чем ответить, Джервис не меньше секунды смотрел на него.

— Мандевиль — загадка, — серьезно сказал он. — Да-да, я знаю, что он похож на самого среднего обывателя. И тем не менее он — загадка. У него что-то на совести. Его жизнь что-то омрачает. Я совершенно случайно знаю об этом больше всех. Но я не могу понять то, что знаю.

Он огляделся — нет ли кого поблизости — и прибавил, понизив голос:

— Я не боюсь рассказать вам, ведь вы крепко храните тайны. Вчера меня очень поразила одна вещь. Вы знаете, что Мандевиль работает в маленьком кабинете в конце коридора, прямо под сценой. Так вот, мне дважды пришлось пройти мимо, когда все думали, что он там один. Более того, я оба раза точно знал, где все женщины из нашей труппы.

Одни были у себя, других не было уже в театре.

— Все женщины? — переспросил Браун.

— У него была, женщина, — почти шепотом сказал Джервис. — Какая-то женщина постоянно ходит к нему, и никто из нас ее не знает. Я даже не знаю, как она туда попадает — вход только из коридора. Кажется, я как-то видел какую-то даму в вуали или в капюшоне. Она бродила, точно призрак, около театра. Но это не призрак. Я думаю, это и не «интрижка». Скорее всего тут пахнет шантажом.

— Почему? — спросил Браун.

— Потому, — сказал Джервис уже не серьезно, а мрачно, — что я слышал, как они ссорились. И под конец она сказала звонко и грозно три слова: «Я — твоя жена».

— Вы думаете, он двоеженец? — задумчиво сказал отец Браун. — Что ж, двоеженство и шантаж идут рука об руку.

Кстати, репетиция, кажется, началась...

— Я не занят в этой сцене, — улыбнулся Джервис. — Сейчас репетируют только один акт — ждут, пока одумается ваша итальянка.

— А ведь верно, — заметил священник. — Интересно, одумалась ли она?

— Мы можем вернуться и поглядеть, если хотите, — сказал Джервис; и они снова спустились в коридор, одним концом упирающийся в кабинет Мандевиля, а другим — в уборную синьоры Марони.

Недалеко от другого конца коридора они увидели актеров,

поднимавшихся по лесенке на сцену. Впереди шли Вернон и старик Рандол — они очень торопились; миссис Мандевиль шла за ними своей обычной размеренной поступью, а Норман Найт, кажется, отстал нарочно, чтобы поговорить с ней. Браун и Джервис услышали обрывок их разговора.

— Я вам говорю, к нему ходит женщина! — гневно говорил Найт.

— Тсс! — отвечала миссис Мандевиль своим серебристым голосом, в котором все же звенела сталь. — Вы не должны со мной так говорить. Помните, что он — мой муж.

— Хотел бы я об этом забыть! — сказал Найт и бросился на сцену.

— Не вы один знаете, — спокойно сказал Браун, — но вряд ли это наше дело.

— Да, — пробормотал Джервис. — Похоже на то, что это знают все, но об этом никто ничего не знает.

Они подошли к тому концу коридора, где грозный страж охранял итальянскую дверь.

— Нет, не выходила, — мрачно сказала миссис Сэндс. — И не умерла, двигается. Не пойму, какие она там еще фокусы задумывает.

— А вы, случайно, не знаете, мадам, — с неожиданной изысканностью обратился к ней Браун, — где сейчас мистер Мандевиль?

— Знаю, — ответила она. — Видела, прошел в кабинет минуты две назад. Только он вошел — помощник позвал всех на сцену и занавес подняли. Значит, там и сидит, вроде не выходил.

— Вы хотите сказать, что в его кабинете только один выход, — небрежно заметил Браун. — Ну, кажется, репетиция идет, несмотря на все причуды синьоры Марони.

— Да, — ответил Джервис, помолчав. — Я отсюда слышу голоса актеров. У старика Рандола прекрасно поставленный голос.

Оба замерли, прислушиваясь. Зычный голос старого актера действительно донесся до них. Но прежде чем они заговорили снова, до них донесся и другой звук.

Это был грохот, и раздался он за закрытой дверью маленького кабинета.

Браун пронесся по коридору, как выпущенная из лука стрела, и, прежде чем Джервис очнулся и побежал за ним, он уже дергал изо всех сил ручку двери.

— Заперто, — сказал он, поворачивая к актеру чуть побледневшее лицо. — Эту дверь надо взломать сейчас же.

— Вы думаете, — испуганно спросил Джервис, — что таинственная дама опять там? По-вашему, случилось... что-нибудь серьезное? — И

прибавил, помолчав: — Кажется, я могу отворить. Я знаю такие замки.

Он опустил на колени, достал из кармана перочинный ножик с длинным лезвием, покопался немного в замке, и дверь распахнулась. Войдя, они сразу заметили, что в комнате нет второй двери и даже окна, а на столе горит большая лампа. Но еще раньше они увидели, что Мандевиль лежит ничком посередине комнаты и струйки крови ползут из-под его лица, словно алые змейки, зловеще сверкающие в этом неестественном пещерном свете.

Они не знали, как долго они глядели друг на друга, пока Джервис не сказал, словно освобождаясь от трудной мысли:

— Если та женщина сюда вошла, она как-то вышла.

— Может быть, мы о ней слишком много думаем, — сказал отец Браун. — В этом странном театре творится так много странного, что не все запоминаешь.

— О чем вы? — быстро спросил Джервис, — О многом, — сказал Браун. — Ну, хотя бы о другой запертой двери.

— Да ведь в том-то и дело, что она заперта! — воскликнул актер.

— Тем не менее вы про нее забыли, — сказал священник.

Он помолчал, потом задумчиво добавил:

— Эта миссис Сэндс — довольно неприятная особа.

— Вы думаете, она соврала и мисс Марони вышла из уборной? — тихо спросил актер.

— Нет, — спокойно ответил священник. — Это просто-напросто отвлеченное предположение.

— Неужели вы думаете, — крикнул актер, — что его убила миссис Сэндс?

— А это и вовсе нельзя предположить, — сказал отец Браун.

Пока они обменивались этими короткими фразами, Браун встал на колени около тела и удостоверился, что перед ними труп. Недалеко, но так, что с порога его не было видно, лежал театральный кинжал; казалось, он выпал из раны или из рук убийцы. Джервис сразу увидел, что кинжал — из реквизита и ни о чем не говорит; разве что эксперты найдут на нем отпечатки пальцев. Тогда священник встал и внимательно оглядел комнату.

— Надо послать за полицией, — сказал он. — И за доктором, хоть это и поздно... Вот я смотрю на комнату и не понимаю, как наша итальянка могла это сделать.

— Итальянка? — воскликнул Джервис. — Ну нет! По-моему, если у кого есть алиби, так только у нее. Две комнаты, обе заперты в разных концах коридора, и у одной еще сидит часовой.

— Нет, — сказал Браун. — Не совсем так. Вопрос в том, как она проникла сюда, а как она выбралась из своей уборной, я себе представляю.

— Неужели? — спросил Джервис.

— Я говорил вам, — сказал отец Браун, — что я слышал, как разбилось стекло — окно или зеркало. По глупости я забыл одну хорошо мне известную вещь: синьора Марони очень суеверна. Она ни за что не разбила бы зеркала. Значит, она разбила окно. Правда, ее уборная в подвальном этаже, но там, наверное, есть какое-нибудь окошко на улицу или во двор. А вот тут нет никаких окон.

Он поднял голову и долго разглядывал потолок.

Вдруг он быстро заговорил:

— Надо подняться наверх, позвонить, всем сказать... Какой ужас! Господи... Слышите? Они там кричат, декламируют. Комедия продолжается. Кажется, это называют трагической иронией.

Когда театр волею судьбы превратился в дом скорби, всей труппе предоставилась возможность проявить удивительные качества, присущие актерам. Мужчины вели себя как истинные джентльмены, а не только как герои-любовники. Не все любили Мандевиля, и не все доверяли ему, но они сумели сказать о нем именно то, что нужно. А по отношению к вдове они проявили не только сочувствие, но и величайшую деликатность.

— Она всегда была сильной женщиной, — говорил старик Рандол. — Во всяком случае, она умнее всех нас. Конечно, бедняге Мандевилю до нее далеко, но она всегда была ему образцовой женой. Как трогательно она иногда говорила:

«Хотелось бы жить более интеллектуальной жизнью...» А

Мандевиль... Впрочем, о мертвых — ничего, кроме хорошего. Так, кажется, говорят?

И старик отошел, грустно качая головой.

— Как же, «ничего, кроме хорошего»! — хмуро заметил Джервис. — Впрочем, он, я думаю, не знает о таинственной посетительнице. Кстати, вам не кажется, что его убила загадочная женщина?

— Это зависит от того, — сказал священник, — кого вы называете загадочной женщиной.

— Ну не итальянку же! — поспешно сказал Джервис. — Да, в отношении ее вы были совершенно правы. Когда взломали дверь, оказалось, что окошко наверху разбито и комната пуста. Но, насколько удалось выяснить полиции, она просто-напросто пошла домой. Нет, я имею в виду женщину, которая ему тайно угрожала, женщину, которая называла себя его женой. Как вы думаете, она действительно его жена?

— Возможно, — сказал отец Браун, глядя в пространство, — что она его жена.

— Тогда есть мотив: ревность, — сказал Джервис. — Она ревновала его ко второй жене. Ведь у него ничего не взяли, так что нечего строить догадки о вороватых слугах или бедствующих актерах. А вот вы заметили странную, исключительную особенность?

— Я заметил много странного, — сказал отец Браун. — Вы о чем?

— Я имею в виду общее алиби, — сказал Джервис. — Не часто случается, чтобы у всех сразу было такое алиби: они играли на освещенной сцене, и все могут друг за друга поручиться. Нашим положительно повезло, что бедняга Мандевиль посадил в ложу тех дамочек. Они могут засвидетельствовать, что весь акт прошел без сучка и задоринки и никто не уходил со сцены. Репетицию начали именно тогда, когда Мандевиль ушел к себе. И, по счастливому совпадению, в ту секунду, когда мы услышали грохот, все были заняты в общей сцене.

— Да, это действительно очень важно и упрощает задачу, — согласился Браун. — Давайте посчитаем, кого именно покрывает это алиби. Во-первых, Рандол. По-моему, он терпеть не мог директора, хотя теперь старательно скрывает свои чувства. Но его надо исключить — именно его голос донесся к нам тогда со сцены. Далее — мистер Найт. У меня есть основания думать, что он влюблен в миссис Мандевиль и не скрывает своих чувств. Но и он вне подозрения — он тоже был на сцене, на него и кричал Рандол. На сцене были Обри Верной, миссис Мандевиль — стало быть, исключим и их. Их общее алиби, как вы это назвали, зависит преимущественно от леди Мириам и ее подруги. Правда, и здравый смысл подсказывает, что если акт прошел гладко — значит, перерыва не было. Но законны, с точки зрения суда, только показания леди Мириам и ее подруги, мисс Тальбот. Они-то вне подозрения, как вы полагаете?

— Леди Мириам? — удивленно переспросил Джервис. — О да! Вас, наверное, смущает, что она похожа на вампира.

Но вы и не знаете, как нынче выглядят дамы из лучшего общества... Почему нам сомневаться в их словах?

— Потому, что они опять заводят нас в тупик, — сказал Браун. — Разве вы не видите, что это алиби фактически исключает всех? Кроме тех четырех, ни одного актера не было в театре. И служители вряд ли были, только Сэм сторожил вход, а та женщина была у двери мисс Марони. Значит, остаемся только мы с вами. Нас, безусловно, могут обвинить, тем более что мы нашли труп. Больше обвинять некого. Вы, часом, его не убили, когда я отвернулся?

Джервис взглянул на него, замер на секунду, снова широко улыбнулся и покачал головой.

— Вы его не убили, — сказал отец Браун. — Допустим на минуту, исключительно для связности, что и я его не убивал. Актеры, бывшие на сцене, вне подозрения, так что остаются итальянка за дверью, горничная перед дверью и старик Сэм. А может, вы думаете о дамах в ложе? Конечно, они могли незаметно выскользнуть.

— Нет, — сказал Джервис, — я думаю о незнакомке, которая пришла к Мандевилью и сказала, что она его жена.

— Может быть, она и была его женой, — сказал священник, и на этот раз его ровный голос звучал так, что его собеседник вскочил на ноги и перегнулся через стол.

— Мы говорили, — сказал он тихо и нетерпеливо, — что первая жена могла ревновать его ко второй.

— Нет, — возразил Браун. — Она могла ревновать к итальянке или, скажем, к леди Мириам. Но ко второй жене она не ревновала.

— Почему?

— Потому что второй не было, — сказал отец Браун. — Мандевиль — не двоеженец. Он, по-моему, исключительно моногамен. Его жена бывала с ним, я сказал бы, слишком часто — так часто, что вы по широте душевной решили, что это другая. Но я не могу понять, как она сумела быть с ним тогда. Она все время была на сцене. Ведь она играла одну из главных ролей...

— Неужели вы всерьез думаете, — воскликнул Джервис, — что незнакомка — просто миссис Мандевиль?

Ответа не было. Браун смотрел в пространство бессмысленным, почти идиотским взглядом. Он всегда казался идиотом, когда его ум работал особенно напряженно.

— Какой ужас, — сказал он. — По-моему, это самое тяжелое из всех моих дел. Но я должен через это пройти.

Будьте добры, пойдите к миссис Мандевиль и спросите ее, не могу ли я поговорить с ней с глазу на глаз.

— Пожалуйста! — сказал Джервис и направился к выходу. — Но что с вами?

— Ах, я просто дурак, — ответил Браун. — Это часто бывает в нашей юдоли слез. Я такой дурак, что забыл, какую пьесу они репетируют.

Он беспокойно шагал по комнате, пока не вернулся Джервис.

— Ее нигде нет, — сказал он. — Никто ее не видел.

— И Нормана Найта, наверное, тоже никто не видел? — сухо спросил

отец Браун. — Ну что ж, мне удалось избежать самого тяжелого в моей жизни разговора. Я чуть было не испугался этой женщины. Но и она меня испугалась — испугалась каких-то моих слов или решила, что я что-то увидел.

Найт все время умолял ее бежать с ним. Ну вот, она бежала, и мне его от всей души жаль.

— Его? — спросил Джервис.

— Не так уж приятно бежать с убийцей, — бесстрастно сказал его друг. — А она ведь гораздо хуже, чем убийца.

— Кто же хуже убийцы?

— Эгоист, — сказал отец Браун. — Она из тех, кто смотрит в зеркало раньше, чем взглянуть в окно, а это самое скверное, на что способен человек. Что ж, зеркало принесло ей несчастье именно потому, что не было разбито.

— Я ничего не понимаю, — сказал Джервис. — Все думали, что у нее самые высокие идеалы... что она в духовном плане гораздо выше нас.

— Она сама так думала, — сказал отец Браун. — И умела внушить это всем. Может быть, я в ней не ошибся потому, что так мало ее знал. Я понял, кто она такая, в первые же пять минут.

— Ну что вы! — воскликнул Джервис. — С итальянкой она вела себя безукоризненно.

— Она всегда вела себя безукоризненно, — сказал Браун. — В вашем театре мне все рассказывали, какая она тонкая и деликатная и насколько она духовно выше бедняги Мандевилля. Но все эти тонкости и деликатности сводились в конце концов к тому, что она — леди, а он — не джентльмен. Знаете, я не совсем уверен, что в рай пускают именно по этому признаку.

Что касается прочего, — продолжал он все горячее, — я из первых ее слов понял, что она поступила не совсем честно с бедной итальянкой, несмотря на всю свою утонченность и холодное великодушие. Об этом я тоже догадался, когда узнал, что у вас идет «Школа злословия».

— Не спешите так! — растерянно сказал Джервис. — Не все ли равно, какая идет пьеса?

— Нет, не все равно, — ответил Браун. — Она сказала, что отдала итальянке роль прекрасной героини, а сама удовольствовалась ролью пожилой матроны. Все это было бы правильно в любой пьесе, но не в этой. Ее слова могли значить одно: итальянке она дала роль Марии. Разве же это роль? А скромная и незаметная матрона — это же леди Тизл! Только ее и захочет играть любая актриса. Если итальянка действительно «звезда» и ей обещали первоклассную роль, у нее были все основания беситься. Вообще

итальянцы зря не бесятся. Римляне — люди логичные и не сходят с ума без причины. Эта деталь показала мне ясно пресловутое великодушное миссис Мандевиль. И еще одно. Вы рассмеялись, когда я сказал, что мрачный вид миссис Сэндс дает мне материал для характеристики, но не для характеристики миссис Сэндс. Так оно и есть. Если вы хотите узнать женщину, не присматривайтесь к ней — она может оказаться слишком умной для вас. Не присматривайтесь к окружающим ее мужчинам — они могут видеть ее по-своему. Присмотритесь к женщине, которая всегда с ней, лучше всего — к ее подчиненной. В этом зеркале вы увидите ее настоящее лицо. А лицо, отраженное в миссис Сэндс, было отталкивающее. Что ж я увидел еще? Все говорили мне, что бедный Мандевиль — ничтожество. Но это всегда означало, что он не стоит своей жены, и я уверен, такие толки косвенно шли от нее. Да и они — не в ее пользу. Судя по тому, что говорили ваши актеры, она каждому из них рассказывала о своем интеллектуальном одиночестве. Вы сами сказали, что она никогда не жалуется и тут же привели ее слова о том, как молчание укрепляет ее душу. Вот оно! Этот стиль ни с чем не спутаешь. Те, кто жалуется, — просто обычные, хорошие, надоедливые люди; я ничего против них не имею. Но те, кто жалуется, что никогда не жалуется, — это черт знает что! Да, именно черт. Разве это хвастовство своей стойкостью — не самая суть байроновского культа сатаны? Все это я слышал. Однако я никогда не слышал, чтобы она пожаловалась на что-нибудь конкретное. Никто не говорил, что ее муж пьет, или бьет ее, или не дает ей денег, или хотя бы просто неверен ей, если не считать слухов о таинственной посетительнице. Но это она сама мелодраматически терзала его монологами в его собственном кабинете. И вот когда увидишь факты, а не ту атмосферу мученичества, которую она сама вокруг себя создала, все выглядит совсем иначе. Чтобы ей угодить, Мандевиль перестал ставить пантомимы, приносящие ему доход. Чтобы ей угодить, он стал выбрасывать деньги на классику. Она распорядилась на сцене, как хотела. Она потребовала пьесу Шеридана — ее поставили. Ей захотелось сыграть леди Тизл — ей дали эту роль. Ей пришлось в голову устроить в тот самый час репетицию без костюмов — и репетицию устроили. Обратите внимание на то, что ей этого захотелось.

— Но какой смысл во всей вашей речи? — спросил актер, удивленный, что его немногословный друг говорит так долго. — Мы углубились в психологию и далеко ушли от убийства. Она сбежала с Найтом; она одурачила Рандола; она одурачила, допустим, и меня. Но мужа своего она не могла убить. Все сходятся на том, что она была на сцене. Может быть,

она — плохой человек, но она — не ведьма.

— Ну, я не так уж уверен, — улыбнулся отец Браун. — Но здесь и не нужно ведовства. Я знаю теперь, что она сделала. Это очень просто.

— Откуда же вы знаете? — спросил Джервис, удивленно глядя на него.

— Потому что репетировали «Школу злословия», — ответил отец Браун, — и именно четвертый акт. Я позволю себе еще раз вам напомнить, что она расставляла декорации и мебель на сцене, как ей нравится. И еще я напомню вам, что сцена вашего театра специально приспособлена для постановки пантомим — тут должны быть люки и запасные выходы. Вы говорите, что свидетели могут подтвердить, что все актеры были на сцене. А я напомню вам, что в этой сцене одно из действующих лиц находится на сцене, но никто его не видит. Один человек формально на сцене, но фактически может уйти. Помните то место, где леди Тизл прячется за экран? Вот оно, алиби миссис Мандевиль.

Наступило молчание. Потом актер сказал:

— Вы думаете, она спустилась через люк в его кабинет?

— Как-то она туда вошла, вероятнее всего, именно так.

Это тем более вероятно, что она нарочно устроила репетицию без костюмов. Нелегко скользнуть в люк в кринолине восемнадцатого века. Есть и другие сложности, но все можно объяснить.

— Я одного не могу объяснить! — сказал Джервис и чуть ли не со стоном опустил голову на руки. — Я просто не могу поверить, что такая светлая, спокойная женщина могла до такой степени потерять, как говорится, власть над своей плотью, не говоря уж о душе. Были у нее веские причины?

Она очень сильно любила Найта?

— Надеюсь, — ответил Браун. — Это было бы для нее единственным оправданием. К сожалению, я в этом сильно сомневаюсь. Она хотела избавиться от мужа — отсталого провинциального дельца, к тому же не слишком преуспевающего. Она мечтала стать блестящей женой блестящего актера. Но скандала она боялась — ей не хотелось участвовать в житейской школе злословия. На бегство она решилась бы только в крайнем случае. Ею владела не человеческая страсть, а какое-то дьявольское преклонение перед условностями. Она постоянно изводила мужа, требовала, чтобы он развелся с ней или как-нибудь иначе ушел с ее дороги. Он отказался — и она рассчиталась с ним. И еще одну вещь я хочу вам напомнить. Говорят, что у этих сверхлюдей особенно высокое искусство, философский театр и прочее. Но вспомните, какова почти вся их философия! Какой вздор они выдают за возвышенный образ мыслей! «Воля к власти», «право на жизнь»,

«право сильного»... Вздор и чепуха, тем более страшные, что они могут совратить неискнушенного!

Отец Браун нахмурился, что с ним случалось весьма редко. И морщины на его лбу не разгладились, когда он взял шляпу и вышел в ночь.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)